

Геннадий Авласенко
Птичьи разговоры
Научно-популярная книга для
читателей самого разного возраста

От автора

Однажды знакомая сорока на хвосте мне письмо принесла. От свояченицы своей, вороны.

И вот что ворона мне написала. Лапой, разумеется, но довольно разборчиво...

«Вороне где-то Бог послал...»

Обо мне, вороне, вернее, вороне серой, издавна среди людей ошибочное представление имеется. Даже два.

Во-первых, до сих пор встречаются люди, которые и не сомневаются даже, что ворон и ворона — один и тот же вид птиц. Так вот, имейте в виду: ворон — не муж вороны, а ворона, соответственно — не жена ворона! Ворон и ворона — два совершенно разных, хоть и близкородственных вида семейства врановых.

Это, во-первых, а во-вторых, меня, ворону серую, большинство людей почему-то считает птицей, ежели и не совсем глупой, то в чём-то простоватой. Дедушка Крылов на эту тему даже всем известную басню сочинил. А человека-простофилю до сих пор пренебрежительно «вороной» величают, ибо он обязательно хоть что-нибудь да «проворонит»...

Мне, вороне серой, обидно такое слышать, ибо я совсем даже не простоватая! Мы, врановые, вообще, одними из самых умных птиц считаемся!

Тем более, я, ворона серая! Я не просто умная, но и хитроумная! Не верите?

Тогда послушайте, как мы, вороны, глупых уток одурачиваем.

Для начала спешу сообщить, что я — птица всеядная. Это значит, могу употреблять как растительную, так и животную пищу. Даже хищничаю помаленьку: цыплёнка могу со двора утащить или зайчонка новорождённого. А ещё очень люблю гнёзда птичьи разорять, ибо птичьи яйца для меня, можно сказать, деликатес!

И вот представьте, что сидит эта глупая утка на гнезде в своих камышах, а мы, вороны, её там обнаружили. И начинается целое представление!

Тут мы обычно в паре работаем. Одна ворона в засаде сидит, позади утиног гнезда, а вторая нахально начинает эту утку задирать, вид делает,

что хочет, мол, у неё яйцо своровать.

Утка с вороной приблизительно в одной весовой категории, и потому не особенно её опасается. Перья растопырит, шипит, пытается ворону от гнезда своего отпугнуть. А ворона ей в этом подыгрывает, вид делает, что очень боится она утки этой разгневанной. Но от гнезда не уходит, продолжает утку, как говорится, до белого каления доводить.

Наконец, не выдерживает разгневанная утка, срывается с гнезда, на ворону бросается. А та, как бы в испуге, от неё убежать начинает...

А пока они так в догонялки играют, вторая из ворон одно яйцо аккуратно из гнезда изымает. Скушает его в стороне, а потом вороны «ролями меняются». И так до тех пор, пока в утином гнезде ни одного яйца не останется...

— Ох, и вредная же ты, ворона! — наверняка воскликнешь ты, прочитав такое.

Да, вредная кое в чём... сразу признаюсь! Но, как исконный вид вашей фауны, тоже имею права на жительство! Такое же, как и вы, люди!

А чем ссориться, лучше я вам о себе расскажу более подробно.

Я — птица довольно крупная, массой приблизительно с полкило буду. В общем, мельче ворона и чуть крупнее грача, ещё одного своего ближайшего «родственника». Голова, крылья и

хвост у меня чёрные, а вот туловище — серое (оттого и название).

Пусть это смешно звучит, но мы, вороны, — птицы певчие, хоть и не всем наше пение-карканье по вкусу придётся. Но неприятности мы на ваши головы не «накаркиваем», это вы сами придумали!

А теперь немного о нашей семейной жизни.

Зимой мы, вороны, ведём коллективный образ жизни, это значит, собираемся в стаи. Причём, в этих стаях и галки присутствуют, и даже грачи (ежели зима не слишком холодная). А вот к весне разбиваемся на пары и приступаем к гнездованию.

Гнёзда наши не особо изящные, но жить можно. Тем более, что мы их строим недалеко друг от друга (часто рядом с гнёздами грачей), так что получается что-то вроде «общежития». Зачем, спросите вы?

А для защиты своих воронят от врагов многочисленных! Мы с врагами не церемонимся: всем скопом на них нападаем! А клювы у нас острые... тут уж не только ястреб, но и собака бродячая прочь мчит без оглядки. Каюсь, на людей тоже иногда бросаемся, защищая своё пернатое потомство.

А вот между собой дружно живём, не ссоримся. Так что ваша пословица: «Ворон ворону глаз не выклюет» полностью и к нам, серым воронам, подходит.

Но вернёмся к нашей семейной жизни. Яиц в гнезде чаще всего 4–5, высиживает их только самка. Но и самец в стороне не остаётся: не только гнездо от врагов защищает, но и кормит подругу свою, пока она ответственным делом занимается. А вылупятся воронята — и их заботливо кормит, пока маленькие и беспомощные...

Что бы ещё о себе рассказать такое?

Любим мы, вороны, запасы делать. Причём, не только пищевые. Таскаем в укромные местечки всё яркое и блестящее, которое и на улицах подбираем, и у людей, каюсь, своровать можем. И ничего в этом плохого нету, просто нам, как и вам, людям, свойственна «тяга к прекрасному»?

Мы даже умнее, чем вы люди считаете! То есть, владеем, ежели и не интеллектом, то определёнными его задатками. Про то, как мы уток обдуриваем, я вам уже говорила. Но мы ещё прекрасно различаем, когда человек с ружьём идёт (а значит, опасен), а когда без него. И считать умеем до трёх (ваши учёные выяснили)... а это, согласитесь, для птицы немало!

Или, к примеру, найдёт ворона сухую хлебную корочку, притом, сухую настолько, что даже вороньим клювом её не раскрошить. Другая птица помучилась бы, помучилась над коркой, да и бросила её, но только не ворона!

А ворона возьмёт этот сухарик в клюв, к

лужице поднесёт да и размочит. А уж потом кушает.

Чем не признак интеллекта?

Так что, несмотря на все мои многочисленные недостатки, не надо видеть во мне врага! А то ведь до чего доходило: объявляли меня, ворону, сплошным вредителем, разрешали отстреливать круглый год и даже платили за лапки! Кошмар, да и только!

И хорошо, что в последнее время люди всё чаще задумываться стали над тем, что в природе всё взаимосвязано. А значит и мне, вороне серой, там местечко найдётся.

Вот такое интересное письмо от вороны сорока мне принесла. А пока я его читал, сама почтальонка на веточке неподалёку сидела, на меня одним глазом поглядывала.

— Ну, что? — прострекотала она, — когда я закончил чтение. — Ответ писать будешь?

— Зачем? — не понял я.

— Не знаю! — пожалала крыльями сорока. — Просто у людей так принято!

— Это раньше так было принято! — возразил я. — А теперь люди больше через Интернет общаются. Или посредством мобильного телефона...

И тут мне мысль интересная в голову

пришла.

— Вот ворона мне о себе всё рассказала, — говорю. — Надобно мне и о тебе побольше узнать!

— Письмо тебе написать, что ли? — не поняла сорока.

— Зачем, — говорю, — письмо, ежели ты сама рядышком со мной находишься? Давай я тебя буду о жизни твоей сорочьей спрашивать, а ты мне подробно на вопросы мои отвечать!

Сорока согласилась, и начался у нас разговор.

Сорока, но не воровка...

— Итак, уважаемая сорока, — начал я. — Для начала представьтесь будущим моим читателям!

— Спутать меня ни с кем невозможно! — с готовностью затрещала сорока. — Красивое чёрно-белое оперение и длинный хвост делают меня, сороку, крайне неповторимой и потому легко узнаваемой!

— А вот скажите, уважаемая сорока, — перебил её я. — Мелкие птички обычно передвигаются прыжками, более крупные — вышагивают. А ты ведь птица довольно солидных размеров... а прыжками передвигаешься! Как тот

же воробей...

— И что?! — обиженно застрекотала сорока. — Могу, кстати, и вышагивать, как те же ворона или грач, но мне прыжками удобнее! А видел бы ты, как ловко я перемещаюсь в кронах древесных! Белка, и та позавидовать может! А какой полёт у меня стремительный!

— Ну, скромности тебе не занимать, — миролюбиво заметил я. — А вот ещё вопрос. Ворона в письме сообщала, что она — птица певчая. А ты себя тоже к певчим птицам причисляешь?

— Разумеется! — важно ответствовала сорока. — Моё стрекотание очень мелодичное и для уха приятное! А ещё оно очень разным бывает: одно дело, ежели мы между собой по-дружески переговариваемся, и совершенно другое, когда опасность неподалёку замечаем. В первом случае сорока медленно стрекочет, во втором — быстро и отрывисто. И не только сороки, все животные в окрестности этот сигнал опасности распознают и...

— И охотников с носом оставляют! — закончил я за сороку. — А теперь немножечко о своём образе жизни. Где живёшь, чем питаешься...

— Я — птица оседлая! — гордо сообщила сорока. — Густого леса избегаю, обитаю в небольших лесах и перелесках, в рощах, парках, садах, нередко возле человеческого жилья. А

знаешь почему?

— Из-за питания? — догадался я.

— Именно! Я — птица всеядная, питаюсь, как животными, так и растительными кормами. Каюсь, что могу разорять гнёзда мелких пичужек, зёрна и семена на полях склёвывать, но чаще насекомых ловлю, особенно, когда птенчиков имею...

— Вот и давай о размножении твоём более подробно, — попросил я.

— Мы, сороки, птицы парные, — пояснила сорока. — И гнездо строим вместе, и птенчиков выкармливаем. И защищаем их, в случае необходимости!

— Гнёзда грачей часто видеть приходилось, — признался я. — А вот ваших сорочьих гнёзд что-то не замечал.

— Потому как спрятаны они среди густой листвы, — сообщила сорока. — А гнездо наше не такое примитивное, как у грачей. Оно шарообразной формы, а строим мы его из сухих веточек и прутиков с боковым входом. Вообще-то, строим мы аж несколько гнёзд, но занимает лишь одно из них...

— А зачем же тогда остальные строить? — даже удивился я. — Для маскировки?

— А это наш сорочий секрет! — насмешливо прострекотала сорока. — Скажу только, что эти пустые гнёзда никто посторонний занять не смеет,

ибо мы свою территорию строго охраняем!

— А скажи, только без обид, ладно? За что тебя, всё-таки, сорокой-воровкой называют? — задал я следующий вопрос.

— Это что же я такого у тебя своровала, чтобы так меня оскорблять?! — всё же обиделась сорока и даже улететь собиралась, но я тут же извинился, и собеседница моя вновь соизволила сменить гнев на милость.

— Просто я слышал, что вы, сороки, всё блестящее к себе в гнездо утаскиваете, — пояснил я. — И даже золотую цепочку или серьгу можете таким образом своровать. Любите, так сказать, красоту. Вот и ворона об этом же в письме своём упоминала...

— Тоже мне, нашёл красоту! — презрительно застрекотала сорока. — Единственное, что мы у людей таскаем, так это пищевые отходы. Но ведь вы их выбрасываете, так что никакое это не воровство! А насчёт блестящих предметов... да что я, клептоманка какая!

— Значит, это неправда? — даже растерялся я. — А столько художественных произведений об этом написано, сколько сказок... опер даже...

— Неужели? — заинтересовалась моя собеседница. — Назови хоть одну!

— Ну, к примеру... — я задумался. — В опере Россини, которая так и называется,

«Сорока-воровка», девочку-служанку обвинили в краже хозяйского серебра, а потом выяснилось, что стащила его сорока...

— Ужас какой! — застрекотала моя гостья. — Бедная сорока!

— А девочка? — напомнил я. — Её ведь тоже несправедливо обвинили!

— Ну, не знаю, не знаю! — сорока развела крыльями. — Ежели сорока их не брала, то, может, девочка эта специально на сороку вину свою свалить пожелала?

— Да не, девочка хорошая! — возразил я.

— И сорока тоже хорошая! — стояла на своём сорока. — И знаешь, недавно нас полностью реабилитировали!

— Кто? — даже удивился я. — Писатели?

— Как же, дождёшься от вас! — фыркнула сорока. — Реабilitировали нас специалисты по поведению животных Университета Эксетера, что в Великобритании находится. Они проделали множество опытов, предлагая сорокам разные мелкие блестящие предметы и кусочки фольги. И выяснили, что сорок, не только не привлекает всё блестящее, а наоборот, отпугивает! Потому что мы очень интеллектуально развитые птицы, и потому ко всему непонятному, а тем более, блестящему, с разумной осторожностью относимся. Как и вороны, кстати!

— Но ведь ворона мне в письме писала... — заикнулся, было, я, но сорока меня тотчас же перебила.

— Да соврала она тебе, сестрица моя двоюродная! Просто покрасоваться хотела!

— Понятно! — вздохнул я. — А я, было, поверил!

— Да ты не переживай! — махнула крылом сорока. — Кстати, знаешь, что ещё исследования показали? Что мы, сороки, не просто птицы очень умные! Мы ещё и единственные среди птиц, которые могут распознать себя в зеркале. Не просто отражение в нём увидеть, а именно себя распознавать! Вот попугай, тоже птица, вроде, неглупая, но воспринимает своё отражение, как совершенно постороннего попугая! А мы же...

И, довольно застрекотав, сорока улетела, так и закончив фразы. А ей на смену, на забор галка уселась. И тоже одним глазом хитро на меня посмотрела.

А возле забора, прямо на землю, грач опустился.

И начался у нас с ними душевный разговор.

Грач и галка — известные представители семейства врановых

— Представьтесь, пожалуйста! — попросил я новых своих гостей. — Я то вас знаю, но для моих будущих читателей...

— Я — грач! — чуть наклонил в приветственном поклоне голову грач. — Меня иногда с вороной путают, потому как мы с ней в одной весовой категории находимся. Но я — полностью чёрный, да и клюв у меня покрупнее вороньего будет...

— А мы, галки, — перебила грача галка, — хоть и одни из самых мелких представителей нашего славного семейства врановых, но зато какие! Оперение чёрное с тёмно-серым, крылья и хвост блестящие, клюв не такой огромный, как у тебя или даже вороны. Красавица, одним словом!

Заметив, что грачу не очень понравилось хвастливое заявление галки, я решил вмешаться и сменить тему.

— Расскажите лучше мне о вашем образе жизни, — попросил я. — Где живёте, чем питаетесь...

— Мы, грачи, в этом отношении весьма консервативны! — первым сообщил грач. Гнездимся в тех же местах, где и родители наши гнездились, пары образуем прочные, на всю жизнь!

Гнёзда строим на деревьях из веток, а внутри выстилаем его клочками шерсти, тряпочками, травой. Причём, селимся не по одиночку, а большими поселениями-колониями. Нам так удобнее. И жить, и от врагов своих защищаться.

— Зато людям не всегда эти ваши поселения удобны, — резонно заметил я. — Особенно, ежели вы в городских парках их устраиваете. Шум, гам и всякие прочие неудобства...

— А вот от нас людям таких неудобств нет! — вступила в разговор галка. — Хоть мы тоже селимся группами, но не галдим! И пары у нас, кстати, тоже на всю жизнь образуются. А гнёзда устраиваем не в парках, а во всевозможных нишах домов, в вентиляционных отверстиях, в печных трубах...

— Ага! — насмешливо заметил грач. — И так иногда забываете эти трубы да отверстия гнёздами своими! А ещё говоришь, что людям от вас никаких неудобств нет!

— А чем вы питаетесь? — вновь сменил я тему, дабы предотвратить назревающий конфликт.

— Всеядные! — хором ответили оба моих собеседника.

— Уничтожаю множество вредных насекомых! — похвасталась галка. — Даже иногда мышевидных грызунов.

— Гнёзда мелких птиц разоряете? —

напрямую спросил я.

— Бывает, но редко... — несколько смущённо призналась галка.

— А вот я этим не занимаюсь! — заверил меня грач. — И вредных насекомых в превеликом множестве уничтожаю! Весной, когда пашут, очень любим мы, грачи, прямо за плугом следовать. Склёвываем, так сказать, личинок майских жуков, проволочников, медведок и прочих вредителей.

— Ага! — ехидно поддакнула галка. — А больше всего: полезных дождевых червей! И ещё посеянные семена активно склёвываете...

— Да ты и сама этим занимаешься! — возмутился грач. — И не меньше моего! А может и больше!

Разговор вновь грозил перерасти в ссору и я (в который раз уже) вынужден был вмешаться.

— Вот вы говорите, что пары на всю жизнь организуете, — начал я издалека. — А как же тогда огромные стаи, которые я повсеместно наблюдаю? Там и грачи, и галки вперемешку... и даже вороны встречаются...

— А одно другому не мешает! — сказал грач, и галка кивнула, соглашаясь, — Семейная жизнь сама по себе, а так мы — птицы компанейские! Любим вместе летать, устраивать общие собрания, игры...

— Игры? — удивился я. — Какие игры?

— Самые настоящие! В догонялки, к примеру. Один грач ухватит что-либо в клюв, а остальные тут же начинают за ним гоняться. А когда кто-либо ухитрится отобрать это «что-либо», тут уже за ним погоня начинается. Чем хуже за ваш футбол?

— Ничем! — вынужден был согласиться я.

— А ещё мы любим раскачиваться на ветках, передавая при этом друг другу различные предметы. А весной самцы для самок показательные выступления организуют, устраивая в воздухе фигуры высшего пилотажа!

— А ещё вы, грачи, весной самыми первыми прилетаете! — вспомнил я известную картину «Грачи прилетели». — Как говорится, вестник весны!

— А мы, вообще-то, и не отлетаем далеко, — признался грач. — Так, откочёвываем в более южные регионы. А ежели зима тёплой выпадает, то и на зимовку можем остаться. Так что «вестником весны», скорее, жаворонок является. Или скворец...

— Я с ними попозже встречусь, — пообещал я. — Обязательно!

— А вот мы никуда не отлетаем! — с гордостью объявила галка. — Просто поближе к человеку зимой жмёмся. В целях пропитания.

— А враги у вас имеются? — задал я вопрос сразу обоим моим собеседникам.

— Хватает! — хором проговорили мои

собеседники.

— Во-первых, это все крылатые хищники, — начал перечислять грач. — Ястребы, соколы, совы...

— Во-вторых, хорьки, куницы, кошки, собаки бродячие... — подхватила галка. — Да разве всех перечислишь!

— Но хоть люди вам не враги? — осторожно поинтересовался я.

Переглянулись галка и грач.

— Специально, люди нас не уничтожают, — заверила меня галка. — Разве что, ежели дымоход забьём или вентиляцию. Тогда наше гнездо люди ликвидируют, часто вместе с птенчиками...

— А вот меня раньше даже кушали! — вдруг проговорил грач. — Не верите?

— Это когда было? — несмешливо отозвалась галка. — В каменном веке?

— Да ещё в XIX веке мясо грачей широко в пищу употреблялось европейскими бедняками! — заверил грач. — Особенно в Германии, там нас даже засаливали в бочках!

Я понял, что нужно вновь менять тему разговора. И срочно.

— А вот и ворона, и сорока уверяли меня, что они самые умные среди птиц, — сказал я. — А у вас как с интеллектом?

— Интеллект высокий у всех птиц семейства

врановых! — задиристо отозвалась галка. — И мы с грачом ничуть не глупее ворон и сорок! А может и поумнее их будем!

— Вот проводили учёные с нами такой эксперимент, — поспешно добавил грач. — Ставили кувшин с водой, а в воде пища плавала. Но уровень воды был настолько низким, что грач клювом никак не мог до неё достать. А рядом с кувшином камешки лежали. Ну, и чтобы ты сделал на месте грача?

Вопрос явно застал меня врасплох.

— Ну, я не знаю... — проямлил я, тщетно пытаюсь представить себя на месте грача. — Наверное, схватил бы камешек в клюв и попытался разбить им кувшин...

— А я думал, что вы, люди, более сообразительные! — с ехидцей отозвался грач. — Потому как грач просто начал бросать камешки в воду. Клювом, по одному...

— И что? — всё ещё не понял я сути.

— А то, что уровень воды постепенно поднялся, и еда стала доступной! — снисходительно пояснил грач. — Закон Архимеда в действии!

— Вот это да! — искренне восхитился я. — И в самом деле высокий уровень интеллекта!

— Вот именно! — поддакнула галка. — Как говорится, знай наших!

И оба моих собеседника удалились. Вернее, улетели.

Они улетели, а я вот о чём подумал...

Европа бьёт тревогу: там исчезают воробьи. В Великобритании, к примеру, они уже занесены в Красную книгу. А мэрия Лондона, где воробьёв, кстати, почти не осталось, объявила даже специальную премию в размере около 100 тысяч фунтов стерлингов тому, кто сможет, наконец, раскрыть тайну столь стремительного исчезновения этих, в недавнем прошлом, ещё весьма обычных для английской столицы птиц.

У нас воробьёв в Красную книгу пока что заносить не спешат, но это, как говорится, только вопрос времени. Численность воробьиного племени неуклонно уменьшается и в нашем регионе. И если в сельской местности и в небольших городках это ещё не так заметно, то в крупных городах воробьёв стало значительно меньше в последнее время!

Потому-то после отлёта грача и галки решил я с воробьём побеседовать. Пока не слишком поздно. Отыскал его на ближайшей ветке, вежливо поздоровался. Вернее, сказал: «Привет, воробей!»

Кандидат в Красную книгу

— И тебе привет, человек! — весело чирикнул в ответ воробей.

— Представься, пожалуйста! — попросил я. — Я понимаю, что ты — воробей! Вопрос: какой именно?

— Я — воробей домовый, — пояснил мне воробей. — А называюсь так потому, что привык жить подле человеческого жилья. Но проживает в нашей местности и мой братец двоюродный, воробей полевой, который от человека зависит куда меньше.

— Понятно! — сказал я. — А теперь более подробно о себе расскажи! Ну, и о братце своём, естественно...

— Относимся мы оба к семейству ткачиковых, — начал воробей, — и внешность наша людям хорошо знакома (пока, во всяком случае). А вот отличить нас друг от друга не так и просто, уж очень мы с братцем похожи. Но отличия всё же имеются.

— А отчего у вас такая окраска скромная? — не удержался я от вопроса. — Серенькая, неприметная...

— Окраска у нас обоих скромная, потому как — маскировочная! — с некоторой даже обидой прочирикал мой гость. — На земле или на сухой

траве воробья не сразу и рассмотришь... а нам только это и надобно!

— Понятно! — поспешно проговорил я. — А теперь об отличиях между тобой и братцем твоим...

— У воробья полевого на голове коричнево-бурая «шапочка» а на щеках и горлышке — чёрные пятна, — пояснил воробей. — А у меня, воробья домового, «шапочка» серенькая, а на крыльях имеются по светлой поперечной полоске.

— А теперь о том, где же мы гнёзда устраиваем, — даже не дожидаясь вопроса, продолжил мой собеседник. — Мы, домовые воробьи, частенько используем для этой цели человеческие жилища: под шифером, в щелях разных. А полевые воробьи чаще в дуплах или расщелинах деревьев гнездятся, изредка на ветках. Впрочем, мы тоже дупла охотно используем, а осенью ещё и скворечники (когда скворцы на юг улетают). Впрочем, весной скворцы нас живо со своей законной жилплощади изгоняют, потому как крупнее нас значительно и сильнее.

— Кстати, в одном из рассказов для детей Льва Николаевича Толстого описан случай, как воробей занял гнездо ласточек, а они его в отместку в жилище том и замуровали, — вспомнил я. — Печальная история, и даже в чём-то поучительная...

— Поучительная! — согласился со мной

воробей. — Вот только вряд ли такое могло произойти на самом деле!

Я спорить не стал, и воробей зачирикал дальше:

— Гнёзда у нас с полевых воробьём похожие (из перьев, пуха, сухой травы и даже тряпочек), в кладке — 5–6 яиц, в году — две (реже три) кладки. Это потому, что мы птицы оседлые, и, в отличие от скворцов или тех же ласточек, можем позволить себе и под осень птенчиков вывести, тем более, что сроки высиживания у воробьёв довольно короткие. Насиживают воробьи яйца около 10–12 дней, ещё около двух недель птенцы в гнезде находятся, перед тем, как вступить в самостоятельную взрослую жизнь.

— А, кстати, почему вы на зиму в тёплые края не отлетаете? — задал я следующий вопрос. — Там тепло и пищи, наверное, вдоволь...

— Улетают те из птиц, которые преимущественно насекомыми питаются, — пояснил воробей. — Ну а нам, воробьям, оставаться дома на холодный и голодный зимний период помогает наша всеядность. Мы и зёрнышки разные склёвываем, и от насекомым разнообразных никогда не отказываемся. Так вот из-за того, что питаемся мы частично зерном, нас, воробьёв, долгое время считали исключительно вредными птицами, уничтожающими значительную часть

урожая зерновых на полях и зернохранилищах. А в Китае, во время, так называемой, «культурной революции», нам, вообще, люди объявили войну. Подсчитали, насколько урожайность риса возрастёт, ежели везде воробьёв уничтожить — и принялись за дело. Представляешь: огромные самосвалы, доверху наполненные мертвыми воробьями!

— Представляю! — сказал я. — По телевизору видел.

— А потом Китай вынужден был завозить воробьёв из-за рубежа, — злорадно чирикнул мой собеседник, — ибо урожаи риса, не только не возросли, а, наоборот, резко упали. Оказалось, что именно воробьи уничтожали огромное количество насекомых-вредителей рисовых полей...

— То есть, вы — птицы исключительно полезные для человека? — попробовал уточнить я. — Или всё же и небольшой вред от вас имеется?

— Да и в вашей местности мы, воробьи, тоже помогаем земледельцам, уничтожая разных вредных насекомых, особенно в период выкармливания птенцов, — заверил меня воробей. — За это я думаю, нам можно простить тот небольшой вред, который мы учиняем в конце лета, когда собираемся в стаи и совершаем налёты на созревшие хлеба. Тем более, что осенью мы, особенно полевые воробьи, питаемся, в основном,

семенами разных сорных растений, значительно уменьшая общее их количество. И это тоже для вас, людей, исключительно полезно!

— Слушай, а почему ваше количество уменьшается в Европе прямо-таки катастрофическими темпами? — задал я вопрос, который очень меня интересовал и даже беспокоил. — Кто-нибудь из учёных знает, почему так происходит?

— Гипотез на этот счёт превеликое множество, в том числе и самых невероятных, — задумчиво чирикнул воробей. — К примеру, если верить профессору физики из университета Бристоля, Денису Хеншеву, в исчезновении воробьёв виноваты... сотовые телефоны. Вернее, не сами телефоны, и их электромагнитные излучения. По словам профессора, электромагнитные волны «мобильников» отрицательно влияют на способности воробьих откладывать яйца. Вот так, не больше, не меньше! И чем значительнее количество мобильных телефонов в данной конкретной местности — тем с большей скоростью убывает там численность воробьиного поголовья. Как тебе данная гипотеза?

— Неожиданная и довольно оригинальная, — проговорил я. — Но вот правильная ли она...

— Знаешь, на мой воробьиный взгляд, в ней что-то такое есть! — прочирикал мой гость. —

Некое, как говорится, зерно истины! Ведь она, гипотеза эта, отлично объясняет, почему в первую очередь исчезают воробьи в городах, и причём, в крупных городах (в том же Лондоне, к примеру). И почему они начали исчезать именно сейчас, в начале XXI столетия. А ведь мобильных телефонов всё больше и больше становится!

— Ты это к чему? — насторожился я.

— А к тому, — прощально чирикнул воробей, — что берегите нас люди, не давайте в обиду! Зимой подкармливайте, летом гнёзд не разоряйте! Не торопите в Красную книгу записать!

После душевной беседы с воробьём, решил я и с синицей подобную встречу организовать. Вернее, с синицами, ибо несколько видов этих интересных пташек в нашей местности обитает.

Сказано — сделано! В том смысле, что смастерил я кормушку, насыпал туда пшена и хлебных крошек. Причём, хлеб взял белый, пшеничный, ибо от чёрного хлеба могут у пичужек животики разболеться. А ещё кусочек несолёного сала рядышком ниткой к ветке привязал, ибо знал, что синички зимой очень любят сало поклевать.

И точно: нескольких минут не прошло, как посетила мою кормушку синица. Её, впрочем, ни с какой другой птичкой не

спутаешь: голова и шея чёрные, щёчки белые, верх жёлто-зелёный с оливковым оттенком, низ жёлтый, крылья и хвост голубоватые. Красавица, одним словом!

Подождал я, пока гостья моя откушает (и пшена, и крошек, и сала), а потом с ней разговор начал.

Такие разные синицы

— Представься, пожалуйста! — попросил я синицу.

— Я — большая синица! — с гордостью произнесла моя гостья, а так, как я не смог удержаться от улыбки при слове «большая», пояснила: — Среди всех европейских синиц, разумеется! А так размеры мои приблизительно с воробья...

— А ты, извини за нескромный вопрос, самец или самка? — поинтересовался я.

— Самец! — ответила синица. — Самки у нас более тускло окрашены.

— Понятно! — сказал я.

— Кстати, — проговорила синица, — в Средней Азии обитает серая синица, так вот она — почти точная моя копия!

— А почему «почти»? — не понял я. — В чём

ваше различие?

— Ты чёрно-белые снимки видел? — вопросом на вопрос ответила синица.

— Не только видел, но и сам когда-то увлекался этим делом! — похвастался я.

— Ну, вот! Представь мой снимок на чёрно-белой фотографии! Где только три цвета: чёрный, серый и белый! Вот это и будет уважаемая моя восточная родственница!

— И потому её зовут «серая синица»? — догадался я.

— Именно! — подтвердила синица. — А по размерам мы одинаковые. Учёные даже считают, что серые синицы от нас произошли, больших синиц. Но почему-то в жарком климате яркую окраску свою потеряли.

— Слушай, а почему тебя «синицей» прозвали? — задал я следующий вопрос. — Вроде, окраска у тебя не синяя...

Но, не успела синица ответить, как к кормушке ещё одна птичка подлетела. Более мелкая, нежели большая синица, но одного только взгляда на неё было достаточно, чтобы понять: новая моя гостья тоже к синицам относится.

— Именно! — проговорила, а вернее, прозвенела вновь прибывшая синица. — Я — синица лазоревка, и это из-за меня все синицы своё название получили!

Присмотрелся я к лазоревке повнимательнее. Шапочка — сине-лазоревая, от клювика через глаза к затылку отходят синие полосы, ещё одна синяя полоска, кольцом вокруг шеи, некое подобие шарфика образует. Крылья и хвост тоже имеют голубовато-синеватую окраску. Щёчки, правда, как и полагается синицам, белые, а спинка — оливково-зелёная.

— Так это из-за окраски твоей люди тебя прозвали синицей? — наконец-таки догадался я.

— Точно! — кивнула головой лазоревка. — А, может, из-за того, что мы весной издаём звонкое: «синь-синь-синь!»

— Нашла чем хвастаться! — насмешливо и в то же время немного обиженно отозвалась большая синица. — Зато я крупнее тебя! И сильнее! Захочу — и вообще прогоню из кормушки!

— Не надо ссориться! — прозвенела ещё одна птичка, опускаясь на край кормушки. Потом посмотрела на меня и добавила: — Я, между прочим, тоже синица! Гаичка!

Посмотрел я на гаичку. Ну, совсем уж малюсенькая, но бойкая и подвижная, как и все, впрочем, синицы. Оперение пушистое, буровато-серого цвета, на голове чёрная «шапочка», на горле тоже пятно чёрное имеется.

— Итак, уважаемые синицы, — начал я, — раз вы все тут уже собрались, то...

— Не все, не все! — послышался вдруг чей-то тоненький голосок и на кормушку ещё одна синичка опустилась. Размером с лазоревку, но окраской, скорее, синицу большую напоминающая. Правда, окраска более тусклая, щёчки не белые, а какие-то грязновато-белые, и много чёрного в окраске. Голова и затылок сплошь чёрные, на горле и груди тоже большое чёрное пятно, наподобие манишки.

— Представься, пожалуйста! — попросил я новую гостью.

— Синица чёрная! — с готовностью ответила гостя. — Но чаще меня просто московкой называют.

— Ну, «чёрная» — это понятно, — несколько огорошено проговорил я. — А почему «московка»? Вас что, в Москве очень много?

— Да причём тут Москва! — махнула крылом московка. — Название моё от слова «маска» из-за обширной чёрной «шапочки» на голове. Так вот сначала нас называли «масковка», а потом почему-то в «московку» переименовали...

— Ну, всё! — нетерпеливо проговорила большая синица. — Все гости в сборе, так что давай, задавай свои вопросы, птичий корреспондент! А то у нас приветствие слишком затянулась!

— Конечно, конечно! — заторопился я. —

Итак, уважаемые синицы, в каких местах обитать изволите?

Переглянулись синицы.

— Предпочитаем лиственные или смешанные леса, — ответила за всех большая синица. — Впрочем, и человеческих поселений не сторонимся, особенно я. В садах, парках, скверах... где только мы не встречаемся...

— А питаетесь чем? — задал я следующий вопрос.

— Вообще-то, всеядны, — тенькнула лазоревка, — но рацион наш меняется в зависимости от поры года. Весной и летом мы, синицы, насекомыми питаемся, и большей частью — вредными для человека. И сами их кушаем, и птенчиков своих кормим, сохраняя, таким образом, ваш урожай.

— Мы это знаем! — сказал я. — И спасибо вам за это огромное!

— А с приходом осени, когда насекомых меньше становится, а птенчики наши взрослеют, — вмешалась в разговор гаичка, — переходим на питание ягодами да семенами. А зимой люблю я семена из берёзовых серёжек выклёвывать. Они как раз к этому времени в массовом количестве вызревают.

— А ещё запасы на зиму делаем, — добавила московка. — Не всех пойманных насекомых

кушаем, частично их под кору или в щели засовываем. На зиму. Как-никак, дополнительное питание зимой...

— Запасливые какие! — насмешливо отозвалась большая синица. — А я и без запасов зимой неплохо обхожусь.

Тут заволновались остальные синицы, возмутились даже.

— Обходишься, как же! — обиженно отозвалась лазоревка. — Наши кладовочки усиленно разыскиваешь и охотно ими пользуешься! Что, не так, скажешь?!

— Так! — вынуждена была признаться большая синица. — И не вижу в этом ничего зазорного!

— Да ты, вообще, хищница! — обличающее пискнула гаичка. — На птичек мелких, моего размера, охотишься!

— И такое бывает, — не стала отрицать очевидного большая синица. — Но редко! А что люблю зимой, так это по балконам людским шарить. И если обнаружу там сало, мясо или масло сливочное, буду каждый день туда наведываться. С целью полакомиться...

— Хищница! — всё никак не могла успокоиться гаичка. — Мясо и сало, видишь ли, ей подавай!

— А вообще-то, зимой всем вам, наверное,

нелегко приходится? — стремясь хоть как-то разрядить обстановку, задал я следующий вопрос.

Переглянулись гости мои и вздохнули почти одновременно.

— Нелегко, это не то слово! — выражая общее мнение, пискнула гаичка. — Худо нам зимой, ой, как худо!

— Ты, может, в курсе, — вмешалась в разговор московка, — что большая половина синичек до весны не доживает?

— И это ещё мягко сказано! — добавила лазоревка. — Хорошо, ежели процентов двадцать от осеннего количество к весне доживает! И от голода гибнут, а жертвами хищников становятся. Хищникам ведь тоже зимой кушать надо...

Обстановку я, кажется, разрядил, но настроение своим гостям явно испортил.

— А где вы летом живёте? — быстренько сменил я тему. — Где детишек выращиваете? В дуплах?

— Любим в дуплах обитать! — первой ответила большая синица. — Особенно в покинутых дятловых, но они, увы, в большом дефиците, так что иногда за обладание подобным жилищем между синицами самые настоящие бои происходят. И, разумеется, побеждает сильнейший! — добавила она, окидывая презрительным взглядом притихших родственников.

— Гнездимся также в пустых беличьих и сорочьих гнёздах, — после недолгого молчания продолжила разговор лазоревка, — просто в древесных щелях, иногда — под крышами домов. Там же и птенчиков выводим, а происходит такое 2–3 раза за тёплый летний сезон...

— Очень любим искусственные гнездовья, которые люди для нас сооружают, — добавила московка. — Вот только отверстие слишком большим не делайте, а то скворцы эту удобную квартиру у нас живо отнимут!

— А я, — похвасталась гаичка, — и сама могу себе дупло выдолбить! С очень маленьким входом, дабы некоторые любители прилететь на готовенькое не смогли его занять!

При этом гаичка бросила презрительный взгляд в сторону большой синицы, но та просто сделала вид, что её это совершенно не касается.

— Ух, ты! — восхитился я неожиданным заявлением гаички. — Да ты прямо как дятел!

— Ну, не с моим маленьким клювиком с дятлами тягаться... — смущённо призналась гаичка. — Они могут и твёрдую здоровую древесину долбить, а я — лишь гнилую и мягкую. И на создание одного дупла у меня до двух недель уходит.

— Да уж! — насмешливо отозвалась большая синица. — Строительница!

— Зато сама! — обиженно пропищала гаичка. — Собственным клювиком!

— Так, выходит, вы все в дуплах обитаете, — подвёл я итог. — Ну, или в каких-либо иных закрытых местах...

— Не все! — вдруг послышался сверху чей-то протестующий голос. — Лично я гнёздышко себе сооружаю! В тростниках!

Поднял я голову: на ветке какая-то птичка сидит. На синицу совершенно даже не похожая. Во-первых, клюв излишне толстый, во-вторых, хвост слишком длинный, а ещё перья совершенно иначе окрашены: голова голубовато-серая, без белых «щёчек», спинка жёлто-коричневая... а от клюва вниз чёрные перья отходят, напоминающие усы.

— Ты что, тоже синица? — недоумевающее спросил я.

— Синица! — подтвердила новая гостья. — Правда, не совсем настоящая. Отношусь к, так называемым, толстоклювым синицам. А название моё — усатая синица.

Название это так соответствовало облику птички, что я невольно улыбнулся. А остальные синицы разом сорвались с места и улетели. Не захотели, видите ли, в обществе не совсем настоящей синицы находиться.

— Расскажи о себе, уважаемая усатая

синица, — попросил я. — Где живёшь, чем питаешься. И, кстати, какую роль эти твои «усы» отыгрывают?

— Этими «усами» мы, самцы, самочек привлекаем! — с гордостью пояснила синица. — Другие наши родственники — пением, а мы — внешностью неотразимой!

— А потом? — спросил я.

— А потом вместе начинаем гнёздышко сооружать, — уклончиво отозвалась усатая синица. — В зарослях тростника или камыша, часто над водой (так безопаснее). Кстати, оперение моё цветом похоже на сухие стебли тростника, так что меня среди них непросто разглядеть.

— А чем питаетесь? — задал я следующий вопрос.

— Летом, в основном, насекомыми, — сказала усатая синица. — И сами их кушаем, и птенчиков выкармливаем. А они у нас за летний сезон аж три раза выводятся, так что отдыхать некогда!

— А где ты насекомых ловишь? — поинтересовался я. — В воздухе?

— Да что я тебе, мухоловка! — несколько обиженно отозвалась усатая синица. — Или ласточка какая! На стеблях тростника их собираю, в основном, подёнок... они любят на стебли садиться. Тлей ещё ловлю, возле самого берега мелких улиток собираю...

— Это летом, — напомнил я. — А сейчас зима. Зимой ты чем кормишься?

— Семенами тростника, — сказала моя гостья. — К вам, людям, не жмусь, как некоторые!

— Некоторые, это настоящие синицы? — уточнил я.

— Именно! — презрительно бросила усатая синица. — Правда, зимой мы из наиболее северных регионов в более южные откочёвываем. Вот почему нас, усатых синиц, в вашей местности зимой легче заметить, нежели летом. Во-первых, мы в большие стаи сбиваемся, во-вторых, много среди нас гостей прилётных!

Тут моя последняя гостья тоже упорхнула, оставив меня в полном одиночестве.

Но, как бы на смену ей, новый гость к кормушке моей подлетел. Да такой нарядный!

Догадались, о ком речь?

Откуда к нам зимой снегири прилетают?

— Привет! Я — снегирь, птица всем вам известная! — сразу же представился гость. — И облик мой вы все, наверно, знаете, и ни с какой

другой птицей меня не спутаете!

— Я то не спутаю, — заверил я снегиря, — но всё равно расскажи немножечко о своём облике. Для читателей будущих...

— Размеры мои довольно скромные: чуть крупнее воробья, — начал своё повествование снегирь. — Зато окраска — не в пример серенькой, воробьиной! На голове — словно чёрная шапочка одета, а грудка — яркая, розово-красного цвета. Но это только у самцов. У самок грудка буровато-серая... по этому признаку самцов от самок легко отличить можно. Ещё вопросы будут?

— Давай поговорим теперь об одном небольшом заблуждении, весьма среди людей распространенном, — предложил я. — О том, что вы, снегيري, прилетаете к нам лишь на зимний период, а чуть повеет весной — поголовно в северные края устремляетесь. И многие люди в это верят, а потому, увидев среди лета снегиря, чуть ли не сенсацию из этого устраивают. И всё понять пытаются: почему снегирь этот на свой любимый север не подался? Приболел, может?

— А мы, снегيري, круглый год тут обитаем! — подхватил мою мысль снегирь. — Но ежели зимой наши стайки прямо-таки в глаза людям бросаются, то встретить нас летом человеку не так и просто.

— Почему? — не смог удержаться я от

вопроса.

— Во-первых, это зимой мы поближе к людям тянемся и в стайки сбиваемся, — пояснил снегирь. — Летом же — живём исключительно парами в глухих еловых лесах. А во-вторых, зимой нас и в самом деле значительно больше становится, ибо прилетают к нам погостить снегيري из более северных территорий (Ленинградской области, Карелии). Им у нас удобнее зиму лютую пережить, а мы, местные снегيري, не в обиде. Ягод рябины у нас на всех хватает!

И снегирь принялся усиленно склёвывать хлебные крошки и пшено. А я терпеливо ожидать, когда мой гость насытится. Наконец это произошло.

— Я так понял, что зимой вы ягодами рябины питаетесь, — обратился я к снегiry. — А летом чем? Насекомыми?

— Ну, ежели речь зашла о моём питании, — проговорил снегирь, усердно чистя клювик о край кормушки, — то расскажу об этом более подробно.

Я — птица, в основном, растительная. Питаюсь семенами, почками, ягодами. Семена сирени очень люблю, а сочную сладкую ягодную мякоть не особенно уважаю, потому стараюсь из каждой рябиновой ягоды лишь семена выклевать.

— А птенчиков своих вы тоже семенами выкармливаете? — удивился я.

— Птенчиков мы тоже кормим, в основном, растительными кормами, — подтвердил снегирь. — Правда, сначала размягчаем эти корма в собственном зобу, а уж потом даём деткам. Как добавку, приносим их ещё и насекомых с пауками... Впрочем, и сами изредка этими же самыми пауками да насекомыми лакомимся...

— Понятно! — сказал я. — Я так понял, что летом вы парами живёте, а зимой как?

— Как я уже сообщал выше: зимой мы в стайки собираемся, — пояснил снегирь. — Небольшие, в 7- 10 птичек. Так, стайкой, и перелетаем с рябины на рябину, ночуем тоже вместе на каком-либо дереве...

— А весной вновь пары образуете, да?

— Именно! — подтвердил снегирь. — Весной те из нас, что на север не улетел, вновь разбиваются на пары. И подаются в лес, от людей подальше. Там самочка на боковых лапках ели из веточек, корешков и лишайников сооружает плоское гнёздышко, старательно устилает его шерстью и собственным пухом, потом откладывает туда несколько яиц. Ну и, естественно, начинает их высиживать. А самец в это время её кормит и охраняет. А как птенчики вылупятся — тут уж у обоих родителей схожие заботы: беспрестанно корм детишкам доставлять...

— Да, это у вас, птиц, хорошо налажено! —

понимающе кивнул я. — Такова, как говорится, жизнь...

— Да, именно такая у нас, снегирей, жизнь! — подхватил снегирь, — Летом — скрытная, лесная, зимой же — словно всем напоказ. Мол, смотрите, какие мы красивые!

— Красивые! — не мог не согласиться я. — Особенно зимним погожим днём на белых от инея ветках!

— Да, смотреть зимой на нас и вправду приятно! — продолжал, между тем, снегирь. — И слушать тоже, ибо поём мы очень даже неплохо, причём, не только самцы, но и самки (что у птиц, вообще, большая редкость). За это нас в Европе часто содержат в клетках, как красивых певчих птиц. Там мы даже почти декоративными стали, с самой разнообразной расцветкой перьев.

— Не представляю даже снегиря какой-либо другой расцветки! — не смог удержаться я от замечания.

— Впрочем, красная грудка у самцов сохраняется при любой перьевой раскраске, — успокоил меня снегирь. — Это наш опознавательный знак, по нему вы нас зимой издали узнаете. И говорите друг другу: «Зима! Снегири прилетели!»

А вот откуда мы к вам прилетели: из Карелии либо из соседнего бора — это не столь и важно!

Улетел снегирь, и тут я вновь птичий голос услышал. Сверху, с дерева.

— А мы как посмотримся зимним погожим днём на белых от инея ветках? — поинтересовался у меня таинственный этот голос.

Поднял я голову и от неожиданности едва не ахнул. Да и было от чего.

Уж на что красивы снегيري на фоне белого снега и алой рябиновой грозди, а эта птичка и того краше! Оперение розовато-серое с яркими красными, белыми, золотисто-жёлтыми и чёрными отметинами. А на голове пушистый хохолок, который ещё более птичку эту нарядную украшает...

— Ты — свиристель! — наконец-таки догадался я. — И действительно лишь на зиму к нам прилетаешь!

— Точно! — подтвердил свиристель, опускаясь на кормушку. — Всё так и есть!

Птица, играющая на свирели

— А почему у тебя такое название странное? — тут же поинтересовался я.

— Свиристелями нас из-за пения прозвали, — пояснил мой гость. — Пение наше — журчащая

трель или свист, а «свистеть», это по-старинному — «свиристеть». Отсюда и название...

— Кстати, музыкальный инструмент «свирель» — от того же корня, — вспомни я. — Скажи, а пение ваше напоминает нежные звуки свирели?

— Да, неплохо мы, свиристели, поём! — сдержанно отозвался свиристель. — Но...

И, не договорив, свиристель замолчала и принялась усердно склёвывать пшено и хлебные крошки.

— Но, что? — спросил я, когда мой гость немножечко подкрепился. — Давай, договаривай!

— Сейчас это даже трудно себе представить, — задумчиво произнёс свиристель, — но многие столетия люди относились к нам, не просто недоброжелательно, но даже враждебно. И считали осеннее появление свиристелей в их краях весьма дурным, зловещим даже предзнаменованием...

— Не может такого быть! — воскликнул я. — Вернее, никак не могу сообразить, почему именно к вам, таким музыкальным и нарядным, враждебное отношение у людей было?!

— Возможно, потому так было, — пояснил свиристель, — что мы, свиристели, птицы кочующие. Лето на севере проводим, в лесотундре да приполярной тайге, а на зиму в более южные

местности откочёвываем. И чем суровее ожидалась зима, тем южнее нас можно было встретить, даже в таких местах, где мы десятилетиями до этого не появлялись. Вот и связывали люди неожиданное наше появление с самыми лютыми грядущими холодами... и очень редко при этом ошибались...

— Понятно! — сказал я.

— Вот только уяснить себе люди в те времена не могли, — продолжал, между тем, свиристель, — что не мы эти холода к ним приносим, сами от них улизнуть пытаемся. Впрочем, сейчас, вроде, отношение к нам со стороны людей вполне доброжелательное, даже кормушки нам устраивают для зимней подкормки.

— Можешь ещё подкрепиться! — предложил я своему северному гостю.

— Благодарствую, сыт! — вежливо отозвался свиристель. — Впрочем...

И он ещё немного поклевал пшена.

— А чем вы зимой питаетесь? — поинтересовался я. — И какой образ жизни ведёте?

— Зимой мы в стайки собираемся, стайками и кочуем с места на место, — пояснил свиристель. — Питаемся ягодами рябины, калины, крушины, боярышника, можжевельника. Каюсь, ягоды омелы, древесного паразита, свиристели тоже охотно потребляют. А потом, избавляясь от липких семян, чистят клювики о древесную кору, и тем самым

невольно помогают омеле расселяться, заражая её семенами всё новые и новые деревья.

— Ну, тут ты не виноват! — успокоил я своего гостя. — Это просто омела такая хитрая. А когда зима закончится, куда вы потом направляетесь?

— Ну, а весной мы вновь возвращаемся в места гнездований, это значит, в лесотундру и приполярную тайгу, — сказал свиристель. — Там, в хвойных лесах и сооружаем себе гнёзда чашеобразной формы.

— Из чего? — не смог удержаться я от вопроса.

— Из травы, шерсти, мха, даже из тонких еловых веточек. А потом самки откладывая туда от трёх до шести яиц, и начинают их терпеливо высидывать. А самцы их кормят, а потом, когда вылупятся птенчики, корм им приносят по очереди оба родители. В результате такого интенсивного кормления птенчики очень быстро растут и уже через 15–19 дней становятся вполне взрослыми и самостоятельными.

— А чем птенчиков кормите? — задал я следующий вопрос. — Неужто, как снегири, растительной пищей?

— Нет, в летний период мы деток своих выкармливаем исключительно насекомыми, да и сами ими всё лето питаемся, — возразил

свиристель. — Иногда даже на лету ловим, хоть и не так ловко, как ласточки или стрижи.

— А потом? — спросил я. — Когда птенчики подрастут.

— А к осени, собираясь в стайки, начинаем постепенно откочёвывать всё южнее и южнее, — пояснил свиристель. — И, одновременно с этим, начинаем питаться уже различными ягодами и плодами...

— Да, разнообразное у вас, у свиристелей, питание! — не смог не отметить я. — Ну, а враги у вас имеются?

— Как же без них! — горестно вздохнул мой гость. — Да и вообще, жизнь наша не такая и безмятежная, ибо, к сожалению, врагов хватает. Охотятся на нас разные хищные птицы, но это понять ещё можно, на то они и хищники. А вот, что люди нас тоже иногда ловят, дабы потом в клетках содержать... этого я понять никак не могу!

— Ну, красивые вы... — осторожно начал я. — Да и петь великие мастера...

— Конечно, выглядим мы красиво, — вторично вздохнул свиристель, — да и пение наше прямо-таки как настоящая свирель звучит! Но всё же клетка, она и есть клетка! Неволя, то есть! А мы, свиристели, волю любим!

— Понимаю! — проговорил я и тоже вздохнул почему-то. — Очень даже хорошо

понимаю законное твоё негодование, уважаемый свиристель!

— Так что, любуйтесь лучше нами в природных условиях, а ещё лучше — соорудите зимой под своим окном для нас подходящую кормушку! — проговорил напоследок мой гость. — Мы туда обязательно прилетим во всей своей красе и даже позволим, не только всю полюбоваться исключительным своим великолепием, но и заснять себя на фотоаппарат или кинокамеру. Мы вам даже слегка позировать согласны, для лучшего, так сказать, снимка!

На следующий день решил я в зимний лес отправиться. Чтобы дятла там встретить и с ним побеседовать.

Сказано — сделано! Встал я утречком на лыжи и помчался в сторону ближайшего леса. А там сразу же остановился и начал прислушиваться. Поняли, почему?

Правильно! Чтобы стук дятла услышать.

И, как услышал, тотчас же в сторону стука направился. А вскоре и самого дятла смог разглядеть на сосновом стволе. Подъехал к нему, стараясь особо не шуметь, дабы не спугнуть потенциального своего собеседника, а дятел пугаться даже и не подумал. Просто стучать по дереву перестал и на меня сверху взглянул вопросительно.